

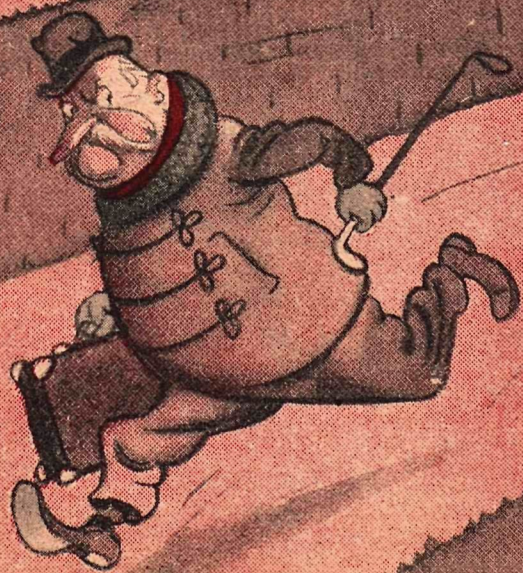
К Р О К О Д И Л

№ 556/39г

Специальный номер — Крокодил переходит границу

Рис. Ю. Ганфа

ЮГ 39

Первый урок на родном языке.

Михась и Михась

ЭТО было давно. Дней двадцать тому назад.

Двадцать дней тому назад местечко Игрековичи лежало по обе стороны границы. Маленькая речушка Эна разделяла местечко на два мира.

Очевидцы утверждают, что на левом берегу будто бы находилось польское государство. Если очевидцы не врут, то там, на левом берегу, когда-то водились президенты, всякие рыде-смиглы, воеводы, беки и целые дивизии белых петухов на солдатских шапках.

В царстве этих петухов и жил Михась Щерба, шестнадцатилетний белокурый паренек с голубыми глазами.

А на правом берегу, у самого рубежа, в том же местечке Игрековичи, жил другой Михась Щерба, двоюродный брат первого, тоже белокурый шестнадцатилетний паренек с голубыми глазами.

И вот, наконец, оба Михасы встретились. Передаем в точности их разговор, случайно подслушанный нами.

— Твой батька что делает?

— Работник.

— Ответственный?

— Он на мельнице работал у пана Грыжа польского.

— Это кто такой — заведующий?

— Что? Как ты сказал? Да я такого слова сроду не слышал. Пан — хозяин мельницы. Большой пан, ясновельможный.

— Что? Как ты сказал? Чужое слово какое! Почему же он хозяин?

— Какой ты непонятливый. Потому что хозяин. Он имел полное право дать моему батьке в морду.

— Буде тебе трезвонить! Так я тебе и поверил. У нас за такое дело — в суд и в тюрьму.

— Шуткуешь, Михась. Пана в суд и в тюрьму?

— Чучело ты гороховое. Да у нас панов нема уже двадцать годов.

— Ой, забыл! У нас теперь тоже нема уже двадцать дней... А твой батька где работает?

— На фанерном заводе. Он у меня стахановец.

— Что? Как ты сказал? Да я такого слова в жизни не слышал.

— Буде тебе трезвонить! Так я и поверил. Да может ли быть, чтоб человек такого слова не знал... Моего отца два раза в году премируют.

— Что ему делают?

— Ему ничего не делают. Его премируют.

— А это очень больно?

— Смеешься, что ли? Премия — это награда. Его награждают за хорошую работу.

— Опять шуткуешь, Михась. Пан будет награждать...

— Какой пан? У нас панов нема уже двадцать годов.

— Ой, забыл! У нас тоже нема уже двадцать дней... А где твой батька сейчас?

— Он сейчас в отпуску.

— Это далеко?

— Две тысячи километров. У самого моря.

— Отпуск — это деревня или город?

— Буде тебе трезвонить! Так я тебе и поверил. Не знаешь, что такое отпуск? Каждый год у нас полагается отпуск. Целый месяц не работаешь. Дают тебе путевку и езжай, куда душа желает, — в санаторий или дом отдыха.

— И что там делают?

— Буде тебе трезвонить! Так я тебе и поверил. Да хоба у вас нет санаториев?

— Вот те крест нема!

— На кой мне твой крест. Ой, Михась, смеешься надо мной. Где же у вас люди отдыхали?

— Как же можно отдыхать! Без хлеба останешься.

— Ничего не понимаю. За отпуск же платят.

— Шуткуешь, Михась. Ты ничего робить не будешь, а пан тебе...

— Какой пан? У нас панов нема уже двадцать годов.

— Ой, забыл! У нас тоже нема уже двадцать дней... А где же твоя матка?

— Матка в совете.

— В совете? Это я понимаю. Что она там делает?

— Работает.

— Ишь ты, какая счастливая!.. Полы моет или сторожиха?

— Председатель. Она у меня боевая.

— Это вроде войта?

— Покрепче. А что такое войт?

— Староста.

— Не то. Старосты бежали. А она не побжит. Председатель!

— Шуткуешь, Михась. Баба — да вдруг начальник.

— Она у меня не баба, а женщина. А у нас женщины в полном равноправии. Моя сестра Ганна — машинист на железной дороге. Про нее в газете писали. Хочешь, дам почитать?

— Да я еще читать не умею.

— Буде тебе трезвонить! Так я и поверил. Хоба ж ты в школу не ходишь?

— Грошей нема в школу платить.

— Смеешься, что ли? Кто же это платит за учење?

— А у вас хоба без денег учат?

— Без денег.

— Шуткуешь, Михась. Кто же наставнику платит — пан?

— Какой пан? У нас панов нема уже двадцать годов.

— Ой, забыл! У нас тоже нема уже двадцать дней... А все ж, Михась, ты мне такое все рассказываешь... Смеешься надо мной.

— Это ты, Михась, смеешься. Все про панов мелешь.

— Ей-ей, все правда. А бачил, как паны, растеряв портки, бежали?

— Вот это правда. Сам бачил. Впервые в жизни бачил панов.

— Понравилась?

— Хорошо не разглядел: бежали они шибко.

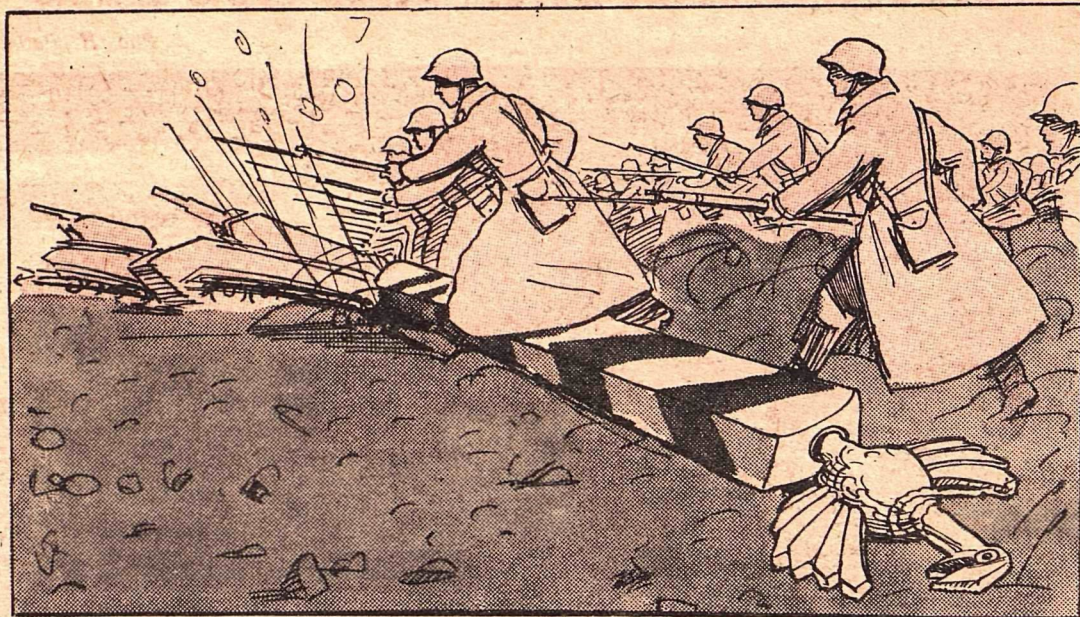
Г. РЫКЛИН

- Смотри: на пути красные флаги.
- Значит, путь свободен, можно ехать спокойно.

Возвращение пана Цымляка

ПАН Зыгмунд Цымляк не любил менять своих привычек. Каждый год в начале сентября выезжал он в леса под Яглевичи. Собирался он там поохотиться и сейчас.

— Как жил, так и жить буду! — говорил Зыгмунд Цымляк своему управляющему, почтительно наблюдавшему за панскими сборами. Война там или не война, мне наплевать!

Управляющий Янек с готовностью поддакивал пану, рассматривая его длинные желтоватые усы. Цымляк натянул на тощие ноги болотные сапоги, подкрепился чаркой облепихи и продолжал развивать свою мысль:

— Война, Янек, до нас не дойдет. И беспокоиться нечего...

— Почему ж ей не дойти? — несмело спросил управляющий.

— А Рыдз-Смыглы на что? Имея такого маршала, Янек, можно спать спокойно.

— Так-то оно, пан, так. Только как бы державы...

— А полковник Бек на что? Ох, Янек, не знаешь еще ты пана полковника. Он любого дипломата обскочит. Политик!

Пан Цымляк хватил вторую чарку и, заметно воодушевляясь, продолжал:

— Нет, ще не сгинул панский военный дух. Не разучилось воевать дворянство. Да я сам возьму свою старую саблю да на коня. Пусть придет только час. Не выдать тебе, Янек, своего пана!

То ли под влиянием выпитой облепихи, то ли от внезапного прилива воинственных чувств пан Цымляк забыл, что всего на прошлой неделе откупился от мобилизации за 2 тысячи злотых.

Когда со сборами было покончено, Цымляк вышел на крыльцо к поданной коляске. На козлах сидел босой и нечесанный дворовый в егерской куртке.

— Это еще что за чучело? — осведомился пан Цымляк.

— Кучер ваш заболел. Вот и отрядил Грицеана! — объяснил управляющий.

— Грицеана, так Грицеана, — сказал пан. — Шут с ним! Только скажу тебе, Янек, распусты ты людей. Болеет всякий, кто хочет. От таких болезней палками треба лечить.

— Пан Зыгмунд говорит сущу правду, — откликнулся управляющий, подсаживая Цымляка в коляску.

На прощание пан велел Янеку построже следить за батраками, не давать поблажек мужичью, сказал последний раз «как жил, так и жить буду» и тронулся в путь.

Целую неделю провел Зыгмунд Цымляк в дремучих лесах под Яглевичами. В первый же день охоты он повстречал соседнего помещика Пржаховского. Вечером паны вместе отправились ночевать в лесную сторожку. Здесь они застряли на все остальные дни. Паны уничтожали припасенную старку и облепиху, горланили песни, в перерывах занимаясь политикой. Из-за толстых бревенчатых стен глухо доносились панские голоса:

— Как жили, так и жить будем,

— А Рыдз-Смыглы на что?

— А пан Бек на что?

Когда иссякли запасы спиртного, охотники раз'ехались по домам.

Большую часть пути пьяный пан Цымляк надоедал Грицеану рассуждениями о великолепии польского оружия и рассказами о своей родословной. В наиболее патетических местах он подносил руку к козырьку и сипло кричал: «Виват!» Пан Цымляк также угрожал бросить Грицеана и других батраков и уехать на позиции. После этого он с чисто пьяной обстоятельностью принялся объяснять кучеру внешнеполитическое положение, но, дойдя до балканского узла, запутался, вслакнул и задремал, покачиваясь на подушках.

Два перехода границы.

Танк

Кольхались над пажитью древней
Сотни жестких приветственных рук —
Большаком к обгоревшей деревне
Шел столбы опрокинувший друг.

Он был с бешено вскинутой грудью,
Пыль дороги крутилась на нем,
В черной глотке немого орудья
Закипал накопившийся гром.

Он летел мимо хат и овинов,
И за первым, возникнув вдали,
Выносились попарно машины —
Сухопутных широт корабли.

Их встречали Петруси, и Гаңки,
И толпа матерей и отцов;
На груди запыленного танка
Зацепился букетик цветов.

За деревней, где бились зарницы
И скакал обезродевший конь,
Танк с букетом в железной петлице
С разворота пошел на огонь.

Пел свинцовый стремительный ветер,
Танк гремел над просторами нив,
И адел под орудьем букетик,
Капли утра в листе сохранив.

ГЕОРГИЙ ПОМЕРАНЦЕВ

Очнулся Цымляк, совсем уже под'езжая к имению, и принялся за старое.

— Угадай, Грицеан, в какую я часть пойду? В ка-ва-ле-рию, в артиллерию или пехоту? Не знаешь? А дух польского рыцарства знаешь? — пан Цымляк иронически поглядел в спину кучеру. — Впрочем, что для тебя такие высокие понятия, как честь оружия... военная традиция... голос предков? Пу-стой звук!

Цымляк саркастически рассмеялся и вдруг заключил:

— Пойду служить в танковую роту. Деды мои на танках служили, прадеды служили, весь род Цымляков на танках служил, и я пойду... У нас, брат, самые лучшие танки!

Помещик строго погрозил Грицеану пальцем и неожиданно заметил невдалеке на пригорке самый настоящий танк. Цымляк так обрадовался возможности наглядно проиллюстрировать свои мысли, что несколько танку не удивился и даже не заметил нарисованной на боевой башне красной звезды.

— Видал, Грицеан? — сказал он торжествующе и, встав в коляске, взял танку под козырек. — Видал? Тра-та-та-та — и тебя нету. Вот, чуело, какие у нас танки!

Удивляться пану пришлось только в самой усадьбе. Весь просторный ее двор оказался заполненным людьми. Здесь собрались батраки с цымляковских плантаций, работники с панских конюшен и ферм, были тут и мужики из окрестных деревень, были и бабы в шестрых холстинах, шныряла между взрослыми быстроногая детвора. Весь этот народ был охвачен откровенным весельем. Радостный галдеж стоял над собравшимися. Под самыми панскими окнами танцовали. Цымляк заметил в кругу деда Михася — деревенского пастуха. Дед босой, без шапки, в расстегнутом тулупе отплясывал трепака. Мужики сосредоточенно били в ладоши.

— Янек совсем сдурел! — пронеслось в голове Цымляка.

Появление во дворе панской коляски не вызвало ничего похожего на смятение. Даже ни один не потянулся за шапкой.

— Что за кагал! — крикнул Цымляк в толпу.

Дед Михась вышел из круга и, подмигнув мужикам, сказал:

— С приездом, панове. Подоспели как раз вовремя. А насчет народа не сомневайтесь. Танцуют люди.

— Как так танцуют? — ошалело спросил Цымляк.

— Известное дело, как: ногами.

— Вы у меня так затанцуете, — вскипел помещик, — что не остановитесь и на том свете!

— На том свете нам делать нечего. Нам и тут хорошо, — отпарировал старик.

В толпе засмеялись... Грицеан перегнулся с козел, и конюх Василь порывисто зашептал ему что-то на ухо. Пан Цымляк тупо уставился на деда.

— Что с нашим паном случилось, хлопцы? — продолжал Михась. — Чи он сдурел, чи он только представляется?

— Дурной и есть! — спокойно подтвердил Грицеан с козел.

— Как ты сказал? — зловеще спросил Цымляк, с которого стал сходить хмель.

— Повтори ему, дидусь! — попросил Грицеан. — У яснобельможного пана на охоте в ушах заложило.

— Чего ж тут повторять?! — махнул рукой Михась. — Без меня знаете, что дурным наш пан родился, дурным и помре.

Цымляк рванулся к деду.

— Ты, пан, не замахвайся! — остановил его Грицеан. — А то я замахнусь, так тебе и божья мать костей не соберет!

Пан растерянно оглядел сгрудившийся возле коляски народ.

— Да что это? — крикнул он запинаясь. — Да кто позволил на панский двор ступить? Я... я... войска вызову.

— Они и позволили! — ответил Михась. — Войска.

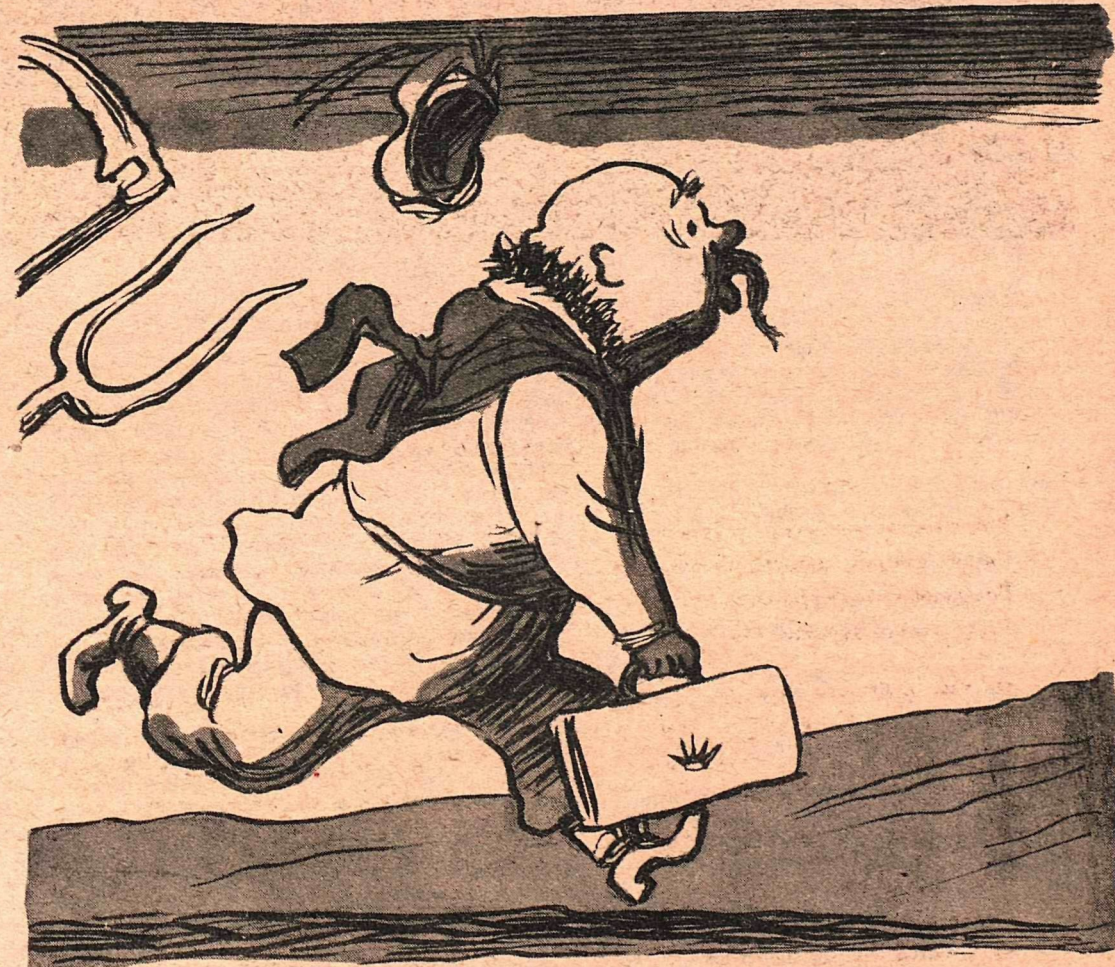
Народ расступился — и Цымляк увидел красноармейцев.

— Матка бозка остробрамска! — пролепетал пан, окончательно трезвея.

Е. и С. ШАТРОВЫ

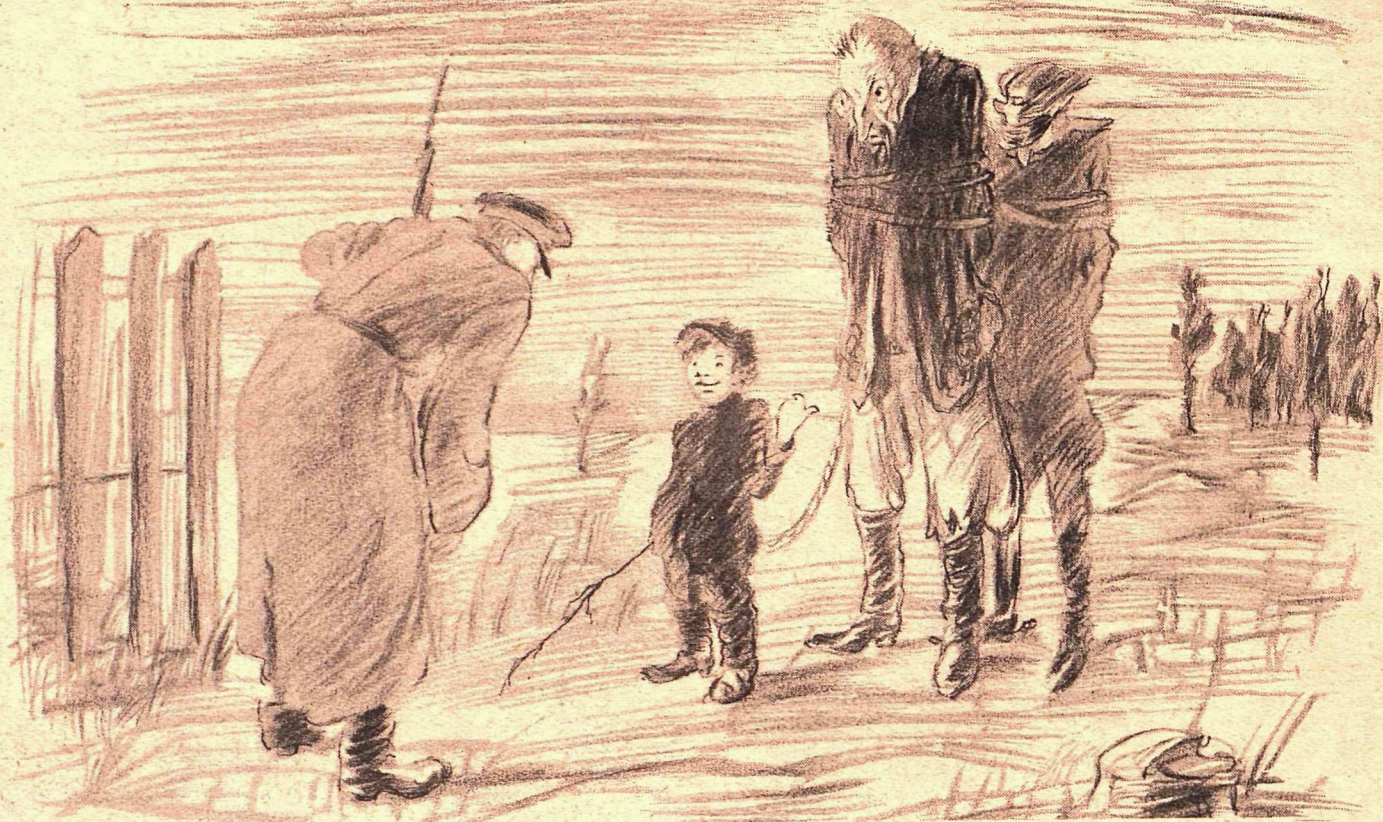

До 17 сентября 1939 года.

После 17 сентября 1939 года.

— Откуда, парнишка?

— Из лесу, вестимо. Отец, вишь, их ловит, а я отвожну!..

ДЫМ

ВЕЧЕРОМ в пригородном поезде, уходящем от Москвы со скоростью 60 километров в час, под страшный грохот колес шла беседа о событиях в Западной Украине и Западной Белоруссии. Молодой человек в желтом кожаном пальто громко рассказывал:

— А наши там производят объяснительную работу. Чисто все! От бойца до командира соединения. И главное, какие вопросы им задают!.. Например многие даже в городах удивляются, как это можно жить без панов и генералов.

Все слушатели как по команде хмыкнули и улыбнулись, а рассказчик продолжал:

— Вот, жалко, меня там нет! Я бы им все конкретно объяснил и конкретно рассказал..

Гражданин в дождевом плаще поверх демисезонного пальто — не слишком молодой с виду — улыбнулся и покрутил головою. Улыбка у него была ироническая, и поэтому все на него посмотрели. А гражданин в плаще сказал:

— Тоже нашелся объяснитель... Да ты, сынок, наверное, генерала в жизни своей не видел..

— А вот и видел!

— Где? Когда?

— В прошлом году видел..

— Это на параде? Иностранный атташе какой-нибудь?

— Ничего подобного! Видел я нашего генерала, царского то есть, и сейчас вижу очень часто. У нас же в тресте.

— В каком таком тресте генерала показывают?

— В нашем Электротресте, где я служу. В общем дело было так. Служит у нас в тресте старик-гардеробщик. Товарищ Назаретьев.

— Ты про гардеробщика будешь или про генерала?

— Обожди. Значит, служит и служит. Старик, как старик. Гардеробщик, как гардеробщик. Только он какой-то чересчур вежливый, какие-то у него поклоны чересчур лишние и

чересчур низкие. Ну, хорошо. Теперь недавно составляли у нас список на отпуска. Кого на время отпуска куда направить: в санаторий, дома отдыха, — ну, сами знаете... И вот мне дали такую общественную нагрузку: я должен был опрашивать товарищей, чего они хотят делать летом. Хорошо. Сбжу, опрашиваю, заполняю анкету. Между прочим, приходит и этот гардеробщик Назаретьев. Я его спрашиваю: «Сколько лет на работе?» Он говорит: «Не то пятьдесят пять, не то шестьдесят три...»

— Шестьдесят три года?

— Угу.

Я говорю: «А где вы работали до революции?» Старик отвечает: «В царской армии». — «Кем вы там были?» — говорю. А он так спокойно отвечает: «Я был генерал...» Я, правда, не удержался и говорю: «Вре-ош!..» А старик аккуратно кивает подбородком и подтверждает: «Правда, правда, я был генерал-лейтенант». — «И погоны носили?» — «А как же, когда — погоны, а когда — эполеты». — «И кресты имели?» — «И кресты, и звезды, и ленту через плечо. Все честь по чести. Да что, — говорит, — молодой человек, вы меня расспрашиваете? Это все известно по моим документам. А вы лучше запишите меня на август месяц куда-нибудь в подмосковный санаторий...» Я говорю: «Хорошо, товарищ Назаретьев». Вот! А вы говорите, я генерала, не видел!..

— Ну, это что за генерал!.. Это он теперь тихий. А ты бы с ним повстречался, когда он эполеты носил! Вот лично я, например, помню, как мы приходили к помещику в 1913 году.

— Зачем приходили?

— А он, помещик, у нашей деревни запахал клин земли. Земля была наша, крестьянская, а он ее запахал для себя. Вот мы и пошли всем обществом с ним объясняться...

— Ну?

— Ну, приходим. Подождали у крыльца. Потом выходит помещик — честь по чести: в

дворянской фуражке с красным околышем, в белой поддевке чесучевой, лаковых сапожках. Мы сейчас шапки долой. Говорим: так и так, товарищ, нехорошо..

— Постойте! Это вы кому сказали «товарищ»? Помещику?

— То есть, тыфу!.. Что значит привычка: теперь уже кажется, что всегда люди друг друга называли «товарищ». Да. Так и так, говорим, ваше высокородие. Клинышек-то наш, а вы запахали... Неужели, говорим, нам теперь обращаться в народный суд...

— Куда? Куда обращаться?

— Тыфу!.. Конечно, мы ему не про народный суд говорили. Неужели, говорим, к мировому, нам теперь идти? А он, подлец, и разговаривать не желает. Обращайтесь, говорит, к мировому. И ушел..

— Нуте-с?

— Что — нуте-с?! Мы — туда, мы — сюда... Спасибо, учитель нас тогда надоумил: написать в газету. Он и сам был рабкором, учитель..

— Кем, кем он был?!

— Тыфу!.. Не рабкором, конечно, а пописывал в тогдашних газетах... Ну, написал он корреспонденцию. Вызывают нас в земотдел...

— Опять путаешь, папаша!

— Конечно, путаю!.. Да и как не путать? Забыли мы, вишь, этот язык, все забыли. Другой раз кажется, что и не было этого ничего. Как дым все развеялось.

— Вот это бы все и рассказать там, на Западной Украине и в Западной Белоруссии. Рассказать, что и они все позабудут, что было до сих пор. И так скоро позабудут, что и сами удивляться будут!..

— Это правильно, сынок. Теперь я вижу, напрасно тебя туда не взяли. Ты бы объяснил.

— Ничего, и без меня объяснят!

Все сразу замолчали, и от этого стало казаться, что поезд стучит еще громче.

В. АРДОВ

— Как стреляли?
— Из ста возможных — сто вельможных.

Про бабку и курицу

Вздыхает бабка, шурится:
Не лезет в плахту курица,
Не сладишь с ней никак!..
Плетется бабка хвора:
Вон там амбулатория,
Где реет красный флаг.
Места кругом знакомые:
Здесь раньше эконемия
Помещицья была.
Паны-то нынче сгнули,
Свои майонтки кинули.
Такие-то дела...

Пришла. Поклон отвесила
И с курицей принесенной
Направилась к врачу.
Очкастый доктор хмурится:
— Зачем же, бабка, курица?
Я куриц не лечу..
— Какие здесь капризные! —
Старушка с укоризною
На доктора глядит.
Какое молвил слово ей!
Ведь курица здоровая,
Хоть и тоща на вид.

Ой, бабка разобижена,
Кричит врачу:— Бери же, на! —
Нагнулась над столом.
Трясет старушка плахтою,
А курица, кудахтая,
Стучит об стол крылом.
Толкует доктор:— Курица,
Пойми ты, не бракуется,
Хоть с ней и смех и грех.
Вот видишь объявление:
Бесплатное лечение
Теперь у нас для всех!..

А курица не квояла...—
Глаза врача веселые
Глядят из-под очков.
И после длинной повести
О бабушкиной хворости
Он дал ей порошков.
Вот бабка с ним прощается,
В халупу возвращается,
И курица цела.
Несет старушка курицу,
Глаза в улыбке жмурятся..
Такие-то дела!

В. ГРАНОВ

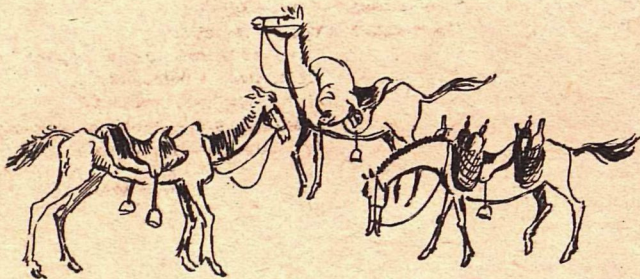
Три пана

Текст А. Раскина, М. Слободского

Музыка Тихона Хренникова

Три богатых жупана,
Три коня наготове.
Собирались три пана
В славном городе Львове.

Пан воевода Никодим
Сказал: «Умрем, но победим!»
Граф Казимир сказал: «Конечно!»
А пан Стефан сказал: «Я рад!»
И все с отвагой бесконечной
Свирепо грянули: «Виват!
Виват! Виват!»

Тучи стелются низко,
Видно будет ненастье.
А под городом близко
Красной Армии части.

Мы с панами кончали,
С нищетой и несчастьем.
Мы цветами встречали
Красной Армии части.

Пан Никодим забрался в лес,
Граф Казимир в болото влез,
А пан Стефан сказал: «Конечно!»
И закопался между гряд.
И все с отвагой бесконечной
Дрожали три часа подряд.
Виват! Виват!

Казимира всем миром
Мы в болоте удили.
Откопали Стефана,
Воеводу словили.

Пан воевода Никодим сказал:
«Мы все вам отдадим!»
Граф Казимир сказал: «Конечно!»
А пан Стефан шепнул: «Я рад!»
И все с отвагой бесконечной
Прошли в сарай, как на парад.
Виват! Виват!

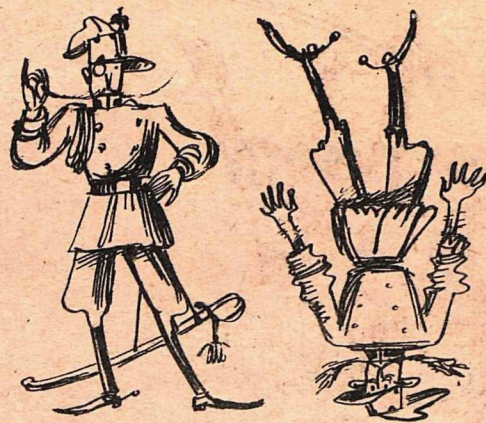

Три помятых жупана.
Прощевайте, панове!
Не сойдутся три пана
В нашем городе Львове.

Musical score for the song 'Три пана' by Tikhon Khrennikov. The score includes vocal lines with lyrics and piano accompaniment. The lyrics are repeated in the score, such as 'Три богатых жупана, Три коня наготове...' and 'Виват! Виват!'. The score is written in a standard musical notation with a treble clef and a key signature of one flat.

ПАН или ПРОПАЛ

Текст С. Острового

Музыка К. Листова

1
 Горько плакал бедный пан,
 Плакал так, что пал туман.
 Вышли хлопцы на поляну,
 Да пропели хлопцы пану:
 «Кто вас, пан, сюда позвал?
 Не шуми — обидимся!
 Или пан или пропал?
 Был ты пан — теперь пропал,
 Больше не увидимся!»
 (2 раза)

«Кто вас, пан, сюда позвал?
 Не шуми — обидимся!
 Или пан или пропал?
 Был ты пан — теперь пропал,
 Больше не увидимся!»
 (2 раза)

2
 На родной на Украине
 Заживется власть дивчине.
 Встанет Катря у ворот,
 Пану песенку споет:
 «Кто вас, пан, сюда позвал?
 Не шуми — обидимся!
 Или пан или пропал?
 Был ты пан — теперь пропал,
 Больше не увидимся!»
 (2 раза)

4
 Пели паны то и дело
 «Еще Польска не сгинела». —
 Мы же песню о другом
 Всем народом пропоем:
 «Кто вас, пан, сюда позвал?
 Не шуми — обидимся!
 Или пан или пропал?
 Был ты пан — теперь пропал,
 Больше не увидимся!»
 (2 раза)

3
 Наши братья — белоруссы,
 Не у них ли кудри русы?
 Чтоб быстрее паны бежали,
 Пана песней провожали:

5
 Нашей армии бойцы —
 Удальцы да молодцы.
 С Украины и с Полесья
 Прогоняли пана с песней:
 «Кто вас, пан, сюда позвал?
 Не шуми — обидимся!
 Или пан или пропал?
 Был ты пан — теперь пропал,
 Больше не увидимся!»
 (2 раза)

Запевало - Весело.

1. Горь-ко пла-кал бед-ный пан, пла-кал так, что пал ту-ман.
 Выш-ли хлоп-цы на по-ля-ну, да про-пе-ли хлоп-цы па-ну;
 Хор - припев.
 Кто вас, пан, сю-да поз-вал? не шу-ми, о-би-дим-ся,
 и-ли пан, и-ли про-пал? Был ты, пан-те-перь про-пал,
 боль-ше не у-ви-дим-ся!

Рис. Л. Генча

Три стихотворения

Степан Васильевич Руданский (1833—1873)— украинский поэт-народник. Основная его книга—сборник сатирических стихов «Сливомовки» —представляет собой поэтическую обработку украинского фольклора.

Мы печатаем три стихотворения С. Руданского, высмеивающие польских панов. Все эти стихи давно стали уже народными.

Ратуй, братец!

Два мятежные панка
В корчме загуляли,
Целовались, как друзья,
Братство записали.
Пьют, целуются они,
Словно породнились.
Только — глядь! И казаки
В ту корчму вломилась.
Один прыг через окно,
Другого схватили.
Тот, бедняга, и кричит:
«Ратуй, брате милый!»
Ну, а милый брат к леску
Что есть силы дует.
Только ласково кричит:
«Нех цен бог ратуе!»¹

¹ Пусть тебя бог спасет!

Смерть казака

Под Варшавой два столба,
На столбах — тесина.
Под столбами — молодой
Казак из Чигирина.
И вельможные паны
Смерть ему читают.
Прочитали... и палач
Петлю надевает.
Казачина поглядел
На врагов сурово.
«Стойте,— говорит,— паны,
Дайте молвить слово:
Не велите высоко
Подымать холопу —
Вам сподручней целовать
Будет меня в руку».

Награда

Толстый пан в реке тонул,
Закричал он рьяно.
Один мужик побежал,
Чтоб вызволить пана.
Ухватил его за зуб,
На берег бросает.
Пан его благодарит,
Денег предлагает.
Но второй панок пришел,
Говорит по-польски:
«Да вот, спас меня».
«По то?»
Отозвался толстый.
«О, я видел, видел все,
Друг ты мой единый,
Как тебя тащил мужик
Прямо за чупрыну».
«За чупрыну? Как же так?»
«За чупрыну, милый!»
«О, собака!» — пан кричит
Что есть только силы.
«Сто кнутов за это псу!»
И что ж! Разложили
И в награду сто кнутов
За спасенье вбили.

СТЕПАН РУДАНСКИЙ
С украинского С. НЕЧИПОРЧУК

— Знаешь, я из пушки, пожалуй, могу стрелять, как они, а вот два часа идти мимо яблонь и ни одного яблока не сорвать — этого даже я не смог бы.

ПОЛЬСКИЕ ПАТРИОТЫ

Рис. Н. Радлова

— Когда я был министром, я открыл чудовищные ошибки в нашем военном плане.

— Почему же вы не приняли мер?

— Как не принял? Я сразу перевел свои ценности за границу.

Волнующая встреча

СРЕДИ МУЗЫКАНТОВ

(Бывший польский президент Мосъцицкий предложил пост президента пианисту Падеревскому)

Рис. М. Храпковского

НА БАЗАРНУЮ площадь пограничного румынского городка медленно в'ехал забрызганный грязью мотоцикл, за рулем которого сидел бледный, как сметана, пан Пшеврацкий — в прошлом польский сановник, а в настоящем — беженец-одиночка.

Пан Пшеврацкий выключил мотор, снял шапку, отер пот с бледного чела и оглядел площадь в рассуждении, куда бы поставить свою машину.

Ставить машину было некуда.

Вся площадь, исключая узенькую полосу дороги, была доотказу забита средствами передвижения явно шляхетского происхождения.

Средства передвижения были разные: рядом с шикарным «паккардом» высилась музейная коляска времен Яна Собесского; самолет стоял бок о бок с ассенизационной бочкой.

Было даже несколько похоронных катафалков.

Когда спешишь, экипаж не выбираешь!

Пан Пшеврацкий растерянно дал гудок, и вдруг с высоты ближайшего катафалка услышал знакомый голос:

— Ба! Да то ж пан Пшеврацкий! Дзень добры, пане!

Пан Пшеврацкий поднял голову и узнал в кричавшем своего доброго знакомого, пана Пшикубского — в прошлом фабриканта мебели, а ныне — тоже беженца.

— Вы откуда, пан Пшикубский? — обрадовался пан Пшеврацкий.

— Я с запада. А вы?

— А я с востока. Можно отдохнуть у вас на катафалке?

— Прощу пана, прощу!

Пан Пшеврацкий, втиснув свой мотоцикл между ассенизационной бочкой и самолетом, с трудом взобрался на катафалк. Приятели сели и стали беседовать.

— Худо сюда добирались, пан Пшикубский? — спросил пан Пшеврацкий.

— Не спрашивайте! — махнул рукой пан Пшикубский.

— Проклятые немцы раз пять бомбили наш поезд!

— Матка бозка ченстоховска! Неужели бомбы попали в вагон с паном?

— Того я не знаю, пан Пшеврацкий, потому что я убежал после первой бомбежки. Кажется, нет, не попали.

— Вы так и прибежали пешком на границу, пан Пшикубский?

— Нет. Мне повезло: я встретил пана Бжодовского. Помните его? Из министерства юстиции. Ему удалось схватить машину для очистки мостовой. Знаете, такая, со щетками? Ну вот, на ней мы и приехали.

— Скажите же скорей, где пан Бжодовский? Мне хочется пожать его благородную руку.

Пан Пшикубский помрачнел.

— Увы! Когда мы сюда приехали, я пошел промышлять еду, а пан Бжодовский остался в машине. В это время на самолете сюда же прилетел генерал Жишинский. Знаете, этот наш знаменитый храбрец? И, представьте, с перепугу пан Жишинский сел прямо на пана Бжодовского. Самолет и наша машина — вмятку. От пана Жишинского осталась одна

МОСЪЦИЦКИЙ: — По этим нотам теперь играйте вы!..

пуговица, а от пана Бжодовского и того меньше — зубочистка. Вот она!

Трепеща, пан Пшеврацкий потрогал потными пальцами заветную зубочистку и сказал вздохнув:

— Да, тяжелые времена! Бедная зубочистка... То есть, я хотел сказать бедный пан Бжодовский. Вечная ему память!

— А вы знаете, мне даже не так жаль пана Бжодовского, как нашу машину. Вдруг придется бежать дальше!

— Мне тоже худо пришлось, пан Пшикубский, — помолчав, сказал пан Пшеврацкий. — За мной гнались с вилами.

— Советские красноармейцы гнались?

— Что вы, пан Пшикубский. У советских красноармейцев, пшепрашам, — не вилы. Если бы они за мной гнались, вы бы меня здесь не увидели. За мной гнались мои же холопы, пся крив! Это украинское быдло!

— Почему же вы так неосторожно задержались в своем имении, пан Пшеврацкий?

— Меня задержала женщина: пани Пшеврацкая хотела обязательно увезти с собой все свои туалеты. Из-за нее я как рыцарь и отложил свой от'езд.

— А где же сейчас пани Пшеврацкая?

— Не знаю. Когда пришли холопы с вилами, мне пришлось очень спешить. Я как рыцарь оставил пани Пшеврацкой машину, а сам вскочил на мотоцикл и был таков.

— Вы оставили для эвакуации пани Пшеврацкой свою гоночную машину?

— К сожалению, гоночную машину проклятые холопы захватили еще раньше. Я оставил пани Пшеврацкой для эвакуации эту... швейную машину. Вы знаете, я только через сто километров сообразил, что я ей оставил не то. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — деликатно кашлянув, сказал пан Пшикубский.

Бодрой польской рысью в беспорядке куда-то бежали облака. Сидеть под открытым небом на катафалке было холодно и неуютно.

— Матка бозка ченстоховска! — горестно сказал пан Пшеврацкий. — Сгинела Польша.

— Что там Польша! — отозвался пан Пшикубский. — Наплевать на Польшку. Мы сгинули! Это поважнее!

От ассенизационной бочки, стоявшей по соседству, тянуло нехорошим духом. Накрапывал дождь. Паны потупились и громко, со всхлипываньем, вздохнули...

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

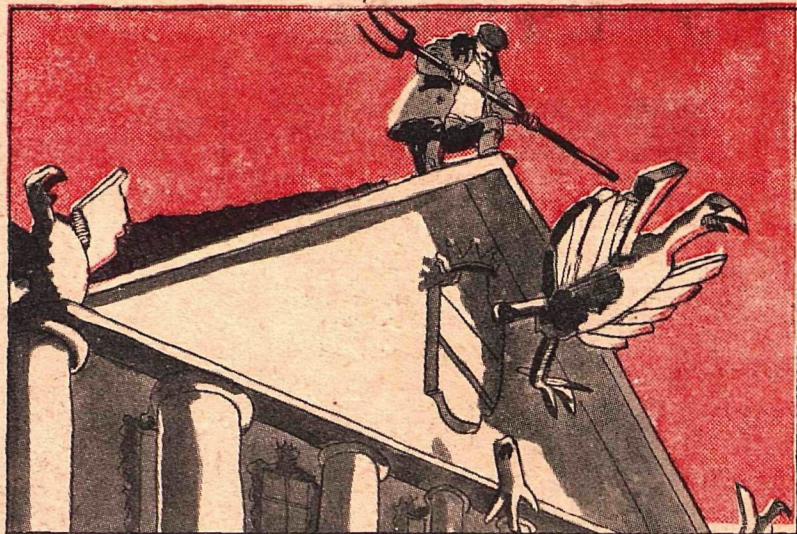
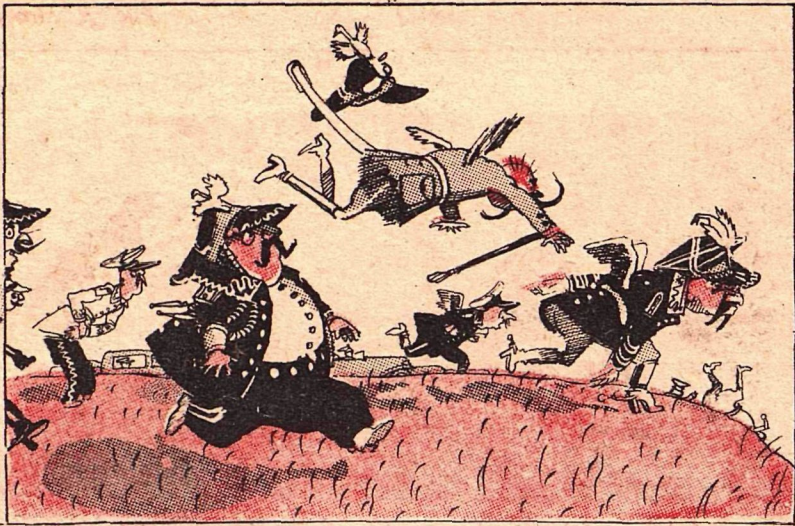

Рис. А. Каневского

Летят польские „орлы“.

Швейк на польском фронте

ОТСИДЕВ положенный срок за очередную историю с поручиком Лукашем, Иосиф Швейк решил отойти от политики и уехать к своему старому приятелю Болеку Шпатина.

Болек жил в польском городке Новогрудке и работал там приказчиком в универсальном магазине пана Складковского.

Когда Болек увидел Швейка, он растерянно улыбнулся и сказал:

— Здравствуй, Иосиф! Я очень рад. Мы давно не виделись.

— Да, Болек, — радостно подтвердил Швейк, — мы не виделись целых восемнадцать лет. За это время кое-что произошло. Впрочем, я тебе сейчас все расскажу подробно!.. Видишь ли...

Увлеченные беседой, друзья не заметили, как из служебного помещения появился сам пан Складковский. Увидев оживленно разговаривающих приятелей, он заорал:

— А ну, псы крив, сейчас же прекратите базар! Слышите?!

Швейк с интересом посмотрел на пана Складковского и сказал:

— Вы сейчас крикнули, ясновельможный пан, и я сразу вспомнил один случай. Вы, наверно, знаете, — у нас на Орбитской улице, в Жижкове, жил булочник по имени Гендрих. Так вот, каждый вечер, приходя домой, он кричал на свою жену, думая, что в его отсутствие жена занимается не тем, чем ей положено заниматься. Однажды он пришел домой и увидел, что жены нет. Тогда он так громко крикнул, что от напряжения сорвал себе три связки и свихнулся. Когда несчастного везли в клинику доктора Гонзатко, он кричал, что он кулебяка с рисом!

— Убирайтесь вон, — зловеще прошептал пан Складковский, — немедленно убирайтесь вон!.. Слышите?

— Так точно, слышу. Я, благодарение богу, еще не глухой... — спокойно ответил Швейк и, поклонившись Болеку, вышел из магазина.

Шатаясь по улицам города, Швейк случайно попался на глаза какому-то офицеру.

— Кто ты такой? — спросил офицер.

Швейк с восхищением посмотрел на помпезного офицера и ответил:

— Осмелюсь доложить, я не кто иной, как солдат Швейк!

— Тебе здесь нечего делать, — сурово сказал офицер, — твое место в рядах защитников могучего польского государства. Понятно?

— Так точно, понятно, — учтиво подтвердил Швейк и тут же добавил: — У вас очень красивая форма, пан поручик. Она мне очень нравится. Она настолько яркая, что я даже вспомнил случай с моим другом Водичкой...

Швейк заложил руки за спину и, воодушевляясь, продолжал:

— Когда Водичка купил того пестрого попугая, он еще ничего не знал. Продавец не сказал Водичке, что этого попугая он в свое время приобрел у разорившегося польского помещика... А надо вам сказать, — тут Швейк любовно поправил офицерский аксельбант, — надо вам сказать, пан поручик, что Водичка в то время здорово ухаживал за Иозефой Мухачек. Это была очень порядочная девушка. Как-то зайдя к Водичке, она увидела попугая и сказала: «Какая красивая птица!..» А попугай посмотрел на нее и вдруг заорал: «Убирайся вон! Скотина!..» Иозефа очень испугалась. А я думаю, пан поручик, что эта птица научилась таким словам у своего бывшего хозяина. Я полагаю, что пан помещик в подобных выражениях разговаривал со своими крестьянами... Они так любят. Это я знаю, пан поручик...

Но Швейк не успел досказать историю Водички и Иозефы. Размахнувшись, офицер ударил Швейка по лицу.

Швейк поморщился и укоризненно заметил:

— У вас очень тяжелая рука, пан поручик, почти как у Владека Сухомель, который работал в цирке. Он носил гири за чемпионами, которые там выступали...

К концу дня все формальности были закончены, и Швейк был зачислен в кавалерийскую часть.

— Ты понимаешь, быдло, зачем тебя призывали в нашу армию? — спросил Швейка вахмистр.

— Так точно, понимаю, — ответил Швейк. — Я влез в эту историю, чтобы находиться в рядах защитников могучего польского государства...

— Победим мы Красную Армию? — сурово спросил вахмистр.

— Так точно, — заверил его Швейк. — Вы знаете, пан вахмистр, я сегодня впервые увидел на таком близком расстоянии лошадь. Оказывается, что это — очень умное животное. У нас в Рюже, у старика Шейбы, была лошадь, которая сама ходила коватьсья...

Вахмистр схватился за голову:

— Запомни, что ты полный идиот!..

Швейк козырнул:

— Так точно. Приказано запомнить, что я полный идиот.

Ближе к вечеру, когда эскадрон выючил седла, Швейк осторожно оглянулся по сторонам и, старательно разбирая ремешки, сказал:

— Вы знаете, ребята, у нас в Будовейцах был такой горшечник Караус. Каждое воскресенье он устраивал петушьи бои и на этом неплохо прирабатывал. И в каждом таком бою один из петухов обязательно побеждал. И там было такое правило: побежденных петухов вечером с'едали в жареном виде с пивом... И Караус, когда выпивал первую кружку и садился за стол, говорил: «Он побежден, и мы его будем есть!..» А вот у вас, — тут Швейк любовно похлопал по седлу, — а у вас наоборот. Вас сначала едят и после хотят, чтобы вы победили... А потом, даже если вы победите, в чем я, как говорила мадам Демус, до безумия подвержена сомнению, то вас опять будут есть эти шакалы в конфедератках!..

Когда части Красной Армии взяли Новогрудок и кавалерийский полк был начисто рассеян, Швейк поехал сдаваться в плен.

Проезжая по проселку, он увидел в поле группу крестьян-белоруссов. Остановив коня, Швейк спрыгнул на пашню, закурил и весело сказал:

— Не пригодится ли вам конь? Он в прошлом году, говорят, под паном поручиком Любомирским взял барьер высотой в полтора метра. Я думаю, что этот конь прекрасно будет пахать эту землю...

Швейк затаился самокруткой и добавил:

— И земля эта теперь будет вашей. Вспомните мои слова. Даже поручик Лукаш иногда говорил курату Кишкеку: «Этот Швейк все же не лишен доли здравого смысла!..»

Швейк подмигнул крестьянам и запел:

«Перстенек, что ты дала мне,
Я носить не стану...» —

после чего молодецким жестом поправил саблю и пошел сдаваться в плен.

БОРИС ЛАСКИН

В МОСКВЕ, на вокзальной площади, возле Центрального дома культуры железнодорожников, скопление народа.

Внимание привлекает выставленная в окне карта оперативной сводки с красными флажками, обозначающими продвижение Красной Армии по Западной Белоруссии и Западной Украине.

Сквозь сгрудившихся протискивается гражданин с лицом оживленным и энергичным.

— Сейчас я вам объясню,— заявляет он веским тоном.

Ему охотно дают дорогу, потому что вообще приятно здесь постоять, а тем более услышать что-то, имеющее самое прямое отношение к этой карте, к этим родным красным флажкам.

— Сейчас объясню.

Энергичный гражданин поднимает указательный палец:

— Гляди сюда. Вот это, стало быть, наша бывшая граница... Эвот она...

Все с большим интересом и удовольствием еще раз смотрят на пограничную черту, хотя видали ее уже тысячу раз.

— А вот здесь,— продолжает объяснять гражданин,— здесь вот демаркационная линия.

Линию тоже все видели и могут отчетливо вообразить даже с закрытыми глазами. Но почему же не доставить себе удовольствие посмотреть и, так сказать, ощупать ее еще раз?

— А которые флажки—это, стало быть, наша доблестная армия.

— Здорово продвинулась!— слышится одобрительное замечание.

— Ну, а как же! Уж это как полагается. Теперь слушайте... Сейчас вам объясню. Вот это город Вильно.

— Он же давно занят.

— А как же! Вон где Вильно, а вон где флажки. Занят! Так вот это, стало быть, Вильно. Хороший город! Теперь обратите внимание. Вот тут, возле Вильно, недалеко... оно на карте не указано... Тут, стало быть, есть речка, а на этой речке—местечко такое, Вилейка. Сейчас вам объясню, Вот! Гляди сюда. Вот Вильно, а вот здесь необозначенная Вилейка...

Гражданин делает небольшую паузу и торжественно заканчивает:

— И в этой Вилейке я родился!

— Ну!

— Честное слово, дорогие мои! Вот здесь, в этой необозначенной точке я и родился. Я белорусс!

— Ну?!!

Теперь все смотрят уже не на карту, а на самого гражданина, как будто он только что сошел с этой карты, оттуда, с далеких полей Белоруссии.

— Вон ты как! И давно?

— Сейчас объясню. С 19-го года. Когда там сели пань, я и бежал.

— Один?

— Не-ет. Где ж одному! Сейчас объясню. Я тогда еще вот какой был—малый хлопец. С родителями бежал от панов.

— Вот какое дело! Значит, белорусс?

На всех лицах мелькает что-то такое теплое, улыбочное, родное.

А сзади слышатся голоса:

— Где белорусс? Кто?

— Вот он, этот парень. Он там родился.

— Где родился?

Новые протискиваются поближе.

Белорусс охотно обращается к новоприбывшим:

— Сейчас все объясню. Вот это, стало быть, Вильно. А вот тут недалеко... оно на карте не указано... Тут, стало быть, речка, а при ней—местечко небольшое... Сейчас объясню. Вот гляди сюда...

Все внимательно, с большим удовольствием смотрят на карту.

Ив. ПРУТКОВ

D. Moora. 39

— Все богатые прихожане разбежались, одна бездоходная беднота осталась!..

— И как после этого верить, что есть бог?!

В румынском ресторане

Истомило пана горе,
Пана душит злоба,
И сидит с тоской во взоре
Полковник Заглоба:
«Ус крутя крутой, не я ля
Ждал «чудес на Висле»?»
Чудеса не состоялись,
И усы повисли!
Разметало наши судьбы
И «огнем и мечем»...
По привычке прихвастнуть бы,
Да похвастать нечем!
Раздавили Радзивилла
Могучие силы,
Захватили его виллы
Крестьянские вилы.
Самолеты наши—птахи,
Соколы—у русских!
Чуть не в Африку со страха
Залетел Сикстусский.
Збышко наш героем вышел

В бою у вагона:
Панну Гелю сбросив с крыши,
Ехал под попоной.
Белорусские солдатки
Разрядились в ленты.
И от них во все лопатки
Драли Подбиненты.
Прошептал: «Как мы ослабли,
Справы наши кепски!»
И удрал без шпор и сабли
Пан Володыевский.
И в чужом далеком крае
(Где? Поди, сыщи ты!)
Грустно «Чижика» играет
Президент маститый!
След слезы скупой и едкой
Вытер. Сгреб он миски
И понес, тряся салфеткой,
К столу сосиски.

Р. РОМАН

На запад!

(Пьеса в пяти действиях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Моментов — директор театра.
Кин-кинский — актер театра, он же популярный концертный деятель.
Вышесортова — актриса театра, она же популярная концертная деятельница.
Вася
Тася } — театральные молодняки.
Мася }
Везеходов — администратор театра.
Нонна Леопольдовна — машинистка театра.

Действие происходит в наши дни.

ДЕЙСТВИЕ I

Кабинет директора театра. На одной стене портреты писателей-классиков, на другой — современных драматургов. По углам груды не принятых к постановке пьес. При поднятии занавеса директор некоторое время пьет чай, потом некоторое время читает газеты, потом некоторое время ничего не делает. Стук в дверь.

Директор (вздрагнув). Кто там?
Кин-кинский (в дверях). Можно к вам?
Директор (с испугом). Можно. А что?
Кин-кинский (входя). Не пугайтесь. Ни насчет прибавки, ни насчет ролей разговаривать не буду.
Директор. Зачем же вы ко мне пришли?
Кин-кинский. Отпустите.
Директор. Куда?
Кин-кинский. На запад.
Директор. На какой запад?
Кин-кинский. В Белоруссию.
Директор. Что же вы там делать будете?

Кин-кинский. Как что? В эти дни, когда происходят такие волнующие события, мой долг...

Директор. Я очень ценю ваш сознательный порыв, но отпустить не могу.

Кин-кинский. Почему?

Директор. А кто вместо вас играть будет?

Кин-кинский. Меня может заменить Закадычный.

Директор. Закадычный может вас заменить? Не смешите, Валериан Эдмундович! Закадычный вашей резиновой подметки не стоит.

Кин-кинский. Странно! Когда к вам приходишь просить прибавку, вы совсем другого мнения и обо мне и о Закадычном. Если Закадычный такой плохой, а я такой незаменимый, то почему же он получает...

Директор (с испугом). Вы же поклялись.
Кин-кинский. Простите! Привычка. А почему вы отпустили Гордиевского и Крутикову?

Директор. Так Гордиевский и Крутикова почти не заняты в нашем репертуаре. А вы играете и в «Потопе», и в «Холопе», и в «Разломе», и в «Разгроме».

Кин-кинский. Жаль. Очень жаль. А я уже... (Вынимает из кармана книжку).

Директор. Что это?

Кин-кинский. Русско-белорусский словарь. Почти весь свой концертный репертуар перевел.

Директор (пожимая ему руку). Горжусь вами! Но порывы — порывом, а дисциплина — дисциплиной.

Кин-кинский. Ну что ж! Ничего не поделаешь. Пока! (Уходит и возвращается) Да! Кстати! Вы уже три месяца, как обещали мне...

Директор (с испугом). Вы же поклялись!
Кин-кинский. Простите! Привычка (уходит).

ДЕЙСТВИЕ II

Декорация первого действия. При поднятии занавеса директор взволнованно ходит по кабинету. Актриса Вышесортова сидит на одной из груд не принятых к постановке пьес.

Вышесортова. Вы же отпустили Гордиевского и Крутикову?

Директор. Так Гордиевский и Крутикова почти не заняты в нашем репертуаре. А вы и в «Потопе», и в «Холопе», и в «Разломе», и в «Разгроме».

Вышесортова. Меня могла бы заменить Млечная.

Директор. Млечная заменит вас?! Не смешите, Тарантелла Львовна! Млечная вашей сумочки не стоит.

Вышесортова. Жаль, очень жаль! А я уже... (Вынимает из сумочки книжечку).

Директор. Русско-белорусский?

Вышесортова. Русско-украинский. Я почти весь свой концертный репертуар перевела.

Директор (пожимая ей руку). Горжусь! Но порыв — порывом, дисциплина — дисциплиной.

Вышесортова. Ну, что ж! Ничего не поделаешь! Пока! (Уходит, сильно хлопнув дверью. Директор вздрагивает, потом некоторое время ничего не делает, потом принимает что-то гомеопатическое).

ДЕЙСТВИЕ III

Та же декорация, только несколько увеличилось груды не принятых к постановке пьес. При поднятии занавеса директор стоит, прижатый к стене театральным молодняком: Васей, Тасей и Масей.

Директор. Не могу! Не имею права! Вы же молодняки! Вы же кадры! Вы же в каждой пьесе изображаете толпу.

Тася. А мы уже инсценировку подготовили — «По панам, по панам, нынче здесь — завтра там».

Директор. Рассценируйте ее обратно. Кроме того скоро смотр молодняка. Если вы уедете, кого я показывать буду?

Мася. Можно Зою показать.

Директор. Какой же Зоя — молодняк, когда она училась у покойной Савиной. Нет, дорогие товарищи.

ДЕЙСТВИЕ IV

Та же декорация. При поднятии занавеса директор сидит в кресле с компрессом на голове. Он заметно осунулся. Рядом стоит администратор.

Директор. Когда актеры хотят туда ехать, я понимаю. Но вы же администратор!

Администратор. Там будут открываться театры. Понадобятся администраторы. А здесь меня может заменить Фанеркин.

Директор. Фанеркин такой же администратор, как я теплоход. Он может выдать контрамарку автору и не выдать рецензенту.

Администратор. Но в такой момент, когда там происходят такие события, я не имею права. Мой долг...

Директор (вскакивая). Ваш долг? А мой долг? Отпустить всех и самому играть и в «Потопе», и в «Холопе»... Вы думаете, я не хочу туда ехать? Вы думаете...

(Хватается за голову, падает на диван и рыдает.)

ДЕЙСТВИЕ V

Та же декорация. Директор лежит на диване с компрессами на голове и на сердце. За столом сидит машинистка.

Директор (продолжает диктовать очень расслабленным голосом). «...категорически запрещаю обращаться ко мне по вопросу об отпуске для поездки на запад...»

Машинистка. Простите, Василий Кузьмич! Пока вы еще этот приказ не подписали, не могли бы вы отпустить меня. Я знаю и украинский и белорусский шрифты...

Директор. Молчите! Все ясно! Пишите! «В Политуправление РККА, копия в Комитет по делам искусств. Ввиду стопроцентного желания работников театра ехать в Западную Украину и Западную Белоруссию прошу вашего распоряжения об отправке всего театра в полном составе».

Машинистка. Все?

Директор. Все. Дайте я подпишу. (Подписывает. Машинистка уходит. Директор некоторое время молча лежит с закрытыми глазами. Потом начинает улыбаться и напевать: «Дан приказ ему на запад...».)

ЯКОВ РУДИН

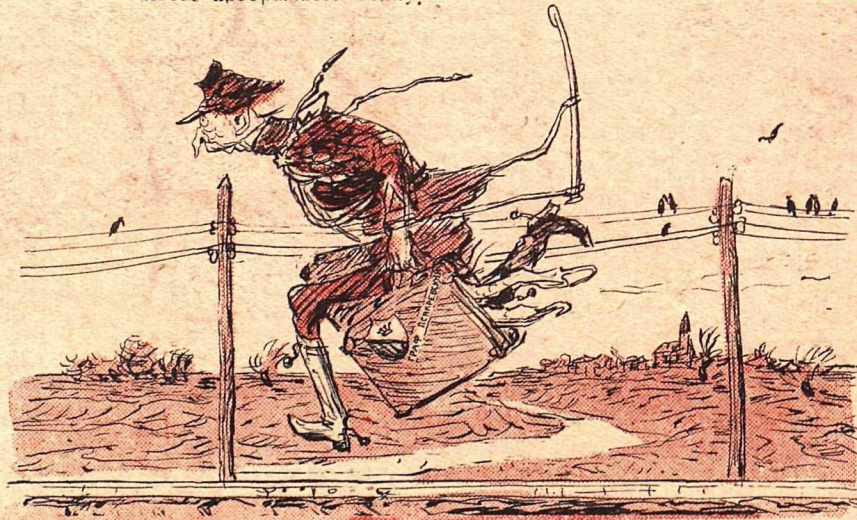

Рис. В. Горяева

График в движении.

— В первый раз мы довольны нашим хозяином.
 — Почему?
 — Потому что он сбежал.

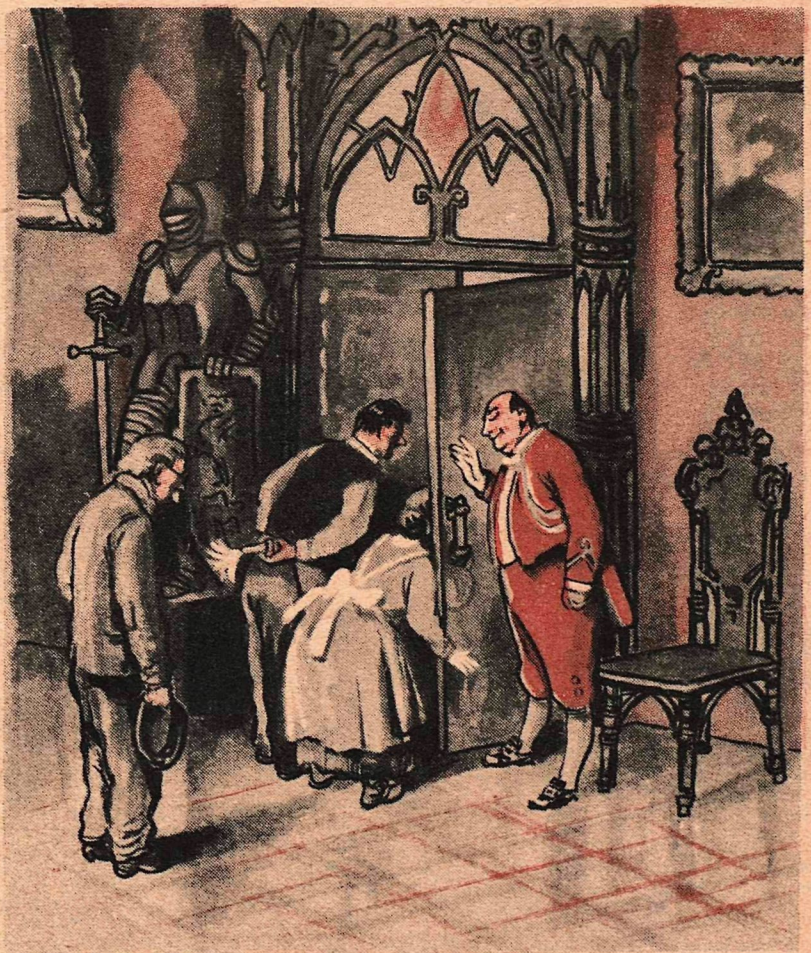
— Я сохранил свой мундир незапятнанным.
 — Еще бы, вы же первым бежали.

Рис. Т. Циновского

— В первый раз в панский лес на охоту вышли.
 — На медведя?
 — Нет, на самого пана.

Рис. М. Храповского

— Когда сегодня прием в замке?
 — Да уж начался.
 — Сам князь принимает?
 — Нет, его принимают... красноармейцы.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Москва, Изд. № 1017

Сдача текста и рисунков 29/IX 1939 г.

Подп. к печати 5/X 1939 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А-16892. Типография газ. „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 3154. Тираж 275 000 экз.

Рис. К. Елисеева

— Удивительно, части Красной Армии проходят везде, а отдельным бойцам прямо проходу нет.

	Перво	Втор	Журн.
Получ. в рт.	13/8		
Сдан в архив.	13/8	13/8	